

А. В. ФЛОРОВСКІЙ.

ИЗЪ ОДЕССКОЙ СТАРИНЫ

I. Пожертванія жителей г. Одессы въ 1812 году.

II. Составъ масонской ложи «Понтъ Эвксинскій» въ Одессѣ.

III. Письмо Имп. Александра I-го М. С. Воронцову (1824 г.)

IV. Отзывы Одесскаго цензора о нѣкоторыхъ французскихъ книгахъ (1828 г.).

UCRAINICA

ОДЕССА.
«Центральная» типографія, Херсонская, 21.
1912.

78
1307

78
1307

Изъ Одесской старины.

I. Пожертвованія жителей г. Одессы въ 1812 году.

Покойный лѣтописатель нашего города и всего Новороссійскаго края, Аполлонъ Александровичъ Скальковскій сообщилъ въ своихъ работахъ еще въ 30-хъ гг. прошлаго вѣка нѣкоторыя данныя относительно того, какъ отнеслось населеніе тогда еще совсѣмъ юной Одессы къ событіямъ 1812 г., т. е. къ нашествію Наполеона и вторженію его въ предѣлы Россіи (Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы. 1793-1823. Одесса, 1837, стр. 186-195. — Хронологическое обзорѣніе исторіи Новороссійскаго края. 1730-1823. Одесса. 1838, II ч., стр. 195-210). Къ приведеннымъ имъ свѣдѣніямъ можно сообщить нѣкоторыя дополненія, на основаніи, замѣтимъ, того же архивнаго матеріала, которымъ въ свое время пользовался и Скальковскій.

Какъ извѣстно, главнымъ толчкомъ для повсемѣтнаго выраженія высокаго патріотическаго одушевленія и для пожертвованій „на алтарь отечества“ былъ манифестъ 6 іюля 1812 г., въ которомъ содержалось обращеніе Императора Александра I-го ко всему населенію Россіи съ просьбою о помощи регулярнымъ войскамъ, съ предложеніемъ организовать изъ среды своей народныя ополченія. Этотъ манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе и въ Одессѣ. Но любопытно, что пожертвованія на дѣло защиты Россіи отъ ея враговъ здѣсь начались еще до указаннаго манифеста. Это начало положилъ одинъ изъ первыхъ гражданъ — основателей нашего города, купецъ первой гильдіи Иванъ Ростовцевъ. Намъ извѣстна одна очень нелестная характеристика этого человѣка, принадлежащая притомъ лицу весьма высокопоставленному и заключающаяся въ важной официальной бумагѣ, направленной министру юстиціи. Въ 1818-1819 годахъ произошло серъ-

езное столкновение тогдашняго городского управления съ графомъ А. О. Ланжерономъ. Это столкновение привело къ поѣздкѣ въ Петербургъ съ жалобою на Ланжерона особой депутаціи, въ составъ которой входилъ названный Иванъ Ростовцевъ. Вслѣдъ за отѣздомъ послѣдняго съ другими депутатами, Ланжеронъ отправилъ въ министерство юстиціи объясненіе, въ которомъ и помѣстилъ краткую характеристику одесскаго населенія, вообще, а затѣмъ и Ростовцева. „Съ начала, писалъ онъ,—какъ обыкновенно бываетъ при новомъ населеніи, здѣсь принимались и записывались всѣ являвшіеся: три четверти мѣщанъ и многіе русскіе купцы суть бѣглецы господскіе крестьяне и даже преступники, избѣгнувшіе преслѣдованія и съ перемѣною именъ здѣсь водворившіеся.—Часть изъ грековъ, такъ же здѣсь поселившихся, суть бѣглецы изъ Константинополя, и многіе изъ нихъ (зачеркнуто: разбойники) архипелажскіе корсары.—Въ послѣдствіи уже водворились здѣсь иностранцы и русскіе купцы, заслуживающіе уваженія и общую довѣренность. Но большая часть еще изъ населяющихъ Одессу хотя приобрѣла здѣсь значительные капиталы и чрезъ то пользуются уваженіемъ, но не перемѣнили ни прежняго образа жизни своей, ни чувствованій“. Послѣ такихъ общихъ замѣчаній Ланжеронъ такъ отзывался о Ростовцевѣ: „весь городъ знаетъ, что онъ приобрѣлъ богатство отъ дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, но значительными пожертвованіями (зачеркнуто далѣе любопытное указаніе: и подкупами прежней градской полиціи) успѣлъ истребить доказательства своего преступленія, и даже достигъ награды. Это извѣстно цѣлому городу, но полагаю, можетъ быть уже нельзя будетъ доказать, и сверхъ того былъ приличенъ въ утайкѣ жемчуга и другихъ вещей послѣ вымершаго отъ чумы семейства. Ростовцевъ,—говоритъ Ланжеронъ,— всегда предводительствовалъ мясниками, каковымъ и самъ былъ прежде, и всѣ неприятели и затрудненія, которыя я чувствовалъ и прежде меня докъ-де-Ришелье съ мясниками, единственно были отъ его Ростовцова“¹⁾.

Какими бы, однако, мотивами ни руководствовался Ростовцевъ при своихъ пожертвованіяхъ на общественныя нужды, фактъ тотъ, что именно онъ первый выступилъ съ денежнымъ приношеніемъ на военныя нужды. Еще за мѣсяцъ до полученія въ Одессѣ манифеста шестого іюля, онъ представилъ герцогу Ришелье 500 рублей, оставшіеся, какъ онъ объяснилъ, отъ постройки новаго дома. Деньги эти онъ сопровождалъ письмомъ, текстъ котораго хотя и напечатанъ у Скальковскаго (Первое

¹⁾ Черновой списокъ. Архивъ канцеляріи одесск. градонач. 1819, дѣло 365.

тридцатилѣтіе исторіи г. Одессы, стр. 194-5), но далеко не „со всею археографическою точностью“, какъ послѣдній оговаривался, а съ пропускомъ любопытнаго вступленія. Поэтому привожу это письмо здѣсь въ полномъ и неизмѣненномъ видѣ.

„Ваше Сіятельство.

Свѣрхъ мои настоящія должности въ одесскомъ магистратѣ бургомистра, избранъ гражданствомъ къ приращенію городскихъ доходовъ подумѣ, съ прочими депутатами члѣномъ, и сего іюня 25-го числа въ томъ присутствіи услыхалъ посторонно что есть на имя градскаго главы какое то начальниче увѣдомленіе требующіе приглашеніе гражданъ къ добровольному пожертвованію разныхъ вещей, кто чѣмъ жертвовать можетъ, наобмундированіе новоконплектующихся храбрыхъ російскихъ войскъ, готовящихся на защиту нашего отечества¹⁾, я ревнуя любовію толь благому предпріятію и усилху, въ присутствіи другихъ депутатовъ осмѣлился спросить Градскаго Главу Семена Андросова, естли какое предложеніе увасть опожертвованіи для пользы Государства, на что мнѣ отвѣчалъ своимъ мнчаніемъ, вчемъ однако Ему припомнилъ писмоводитель Волоховъ что де есть, тогда отвѣчалъ якобы по недосугамъ другихъ градскихъ дѣлъ то упущаитъ онъ, аизтого я заключилъ что почитаитъ сіе маловажнымъ и какъ бы не оставилъ оное безисполненія.

Какъ же я продолжавши съ 1797-го года носіе нижеписанное число казенную и городскую поразнымъ должностямъ службу беземѣнно, начто имѣю отъ гражданъ похвалныя листы; ивъ прошедшую противу французовъ войну (1806-1807 г.) отъ избытковъ своихъ по силѣ ивозможности пожертвовалъ на составленіе милиціи наличными пять сотъ рублей, два ружья, пару пистолетовъ и магазинъ навремя для складки хлѣба, асвѣрхъ того собралъ создѣвшихъ гражданъ добровольно знатную сумму наличныхъ денегъ, разнаго хлѣба, орудія и прочаго, чѣмъ кто по усердію своему жертвовалъ и доставилъ по назначенію началства куда слѣдовало.

Равно вижу ичувствую сердцемъ что пострѣтившимся иньѣ обстоятельствомъ таковое пожертвованіе отъ свободныхъ сыновъ отечества къ пособію Государствѣнной казны нужно, дабы же

¹⁾ Имѣется въ виду, вѣроятно, сохранившееся въ томъ же «дѣлѣ» предписаніе черезъ министра полиціи о томъ, какія вещи желательны въ видѣ пожертвованій на военныя нужды; къ предписанію приложены и печатныя списки вещей, образцы которыхъ разсылались повсюду. Бумаги эти относятся къ дек. 1811 и янв.—февр. 1812 гг.

ия въ числѣ неблагомыслящихъ въ отечествѣ неостался, для того въ толь важномъ дѣлѣ и нетребующемъ медленности спешу приложить присемъ остающуюся наличность отъ постройки моего дома пять сотъ рублѣй денги покорнейше прошу Вашего Сіятельства яко втомъ особое участіе предпринимайте для употребленія на означенные потребности повѣлѣть принять и доставить куда слѣдуетъ“. Июня 27 дня 1812-го года ¹⁾.

Кромѣ замѣчаній, относящихся лично къ самому автору, въ этомъ письмѣ содержится одно любопытное указаніе—именно на то, что городской голова Семень Андросовъ какъ будто совершенно равнодушно и даже недоброжелательно отнесся къ „начальничьему увѣдомленію“ о сборѣ пожертвованій для войскъ. Самый фактъ, указанный Ростовцевымъ, можетъ быть, объяснялся именно такъ, какъ говорилъ Андросовъ. Должно имѣть въ виду, что въ это время еще не раздался тотъ призывъ къ пожертвованіямъ на защиту Россіи, какой былъ провозглашенъ шестого іюля, и нѣкоторая медлительность и даже равнодушіе легко объяснимы. Понятно, нельзя и думать сопоставлять отношеніе къ этому дѣлу одесскаго городского головы съ тѣмъ явнымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ сбору пожертвованій и участію въ ополченіи, какое обнаружилось уже послѣ манифеста шестого іюля, т. е. послѣ объявленія „отечества въ опасности“, напр., въ Григоріополѣ. Григоріопольскій магистратъ вмѣстѣ съ думою просили изъять тамошнихъ жителей отъ ополченія, что вызвало рѣшительное негодованіе со стороны Ришелье. Онъ поручилъ херсонскому гражданскому губернатору Г. Н. Рахманову (10 августа 1812 года) „дать замѣтить всю неблагопрістойность ихъ; скитаясь по всему лицу земли, армяне, выражался Ришелье, и Россію далеки признать своимъ отечествомъ, пріавшую ихъ въ нѣдра свои и ихъ облагодѣтельствовавшую до возможной степени“ ²⁾.

Получивъ приведенное письмо Ив. Ростовцева, Ришелье предложилъ одесскому полиціе-мейстеру сдѣлать извѣстнымъ здѣшнимъ гражданамъ о пожертвованіи Ростовцева, „поставивъ сего гражданина примѣромъ въ благомыслии его“, „а ему объявите, — писалъ герцогъ, — что мнѣ весьма пріятно было видѣть на опытѣ отличное усердіе его къ общимъ пользамъ“ ³⁾.

¹⁾ Архивъ канцеляріи одесскаго градоначальника, 1812 г., № 213.

²⁾ Архивъ бывшаго новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернаторскаго управленія, по Таврической губ., № 5, лл. 40—41.

³⁾ Арх. канц. одесск. градонач., 1812, № 213.

Имѣль-ли примѣръ Ростовцева непосредственныхъ подражателей, намъ неизвѣстно. Но вскорѣ дѣло это получило совершенно иную постановку. Манифестъ 6 іюля былъ полученъ въ Одессѣ 22-го числа—и черезъ нѣсколько дней самъ Ришелье въ собраніи представителей всѣхъ сословій Одессы обратился ко всѣмъ состояніямъ и національностямъ съ призывомъ такъ или иначе принести жертву для спасенія Россіи. Его „искренняя и трогательная“, какъ выражается Скальковский, рѣчь произвела сильное впечатленіе на слушателей ¹⁾ и, любопытно отмѣтить, сослужила свою службу, кажется, не только въ Одессѣ, но и въ другихъ мѣстахъ южнаго края. По крайней мѣрѣ, екатеринославскій гражданскій губернаторъ Гладкій препроводилъ копію ея предводителю екатеринославскаго дворянства Алексѣеву передъ сентябрьскимъ съѣздомъ дворянъ по вопросу объ ополченіи и пожертвованіяхъ ²⁾. Самъ Ришелье пожертвовалъ тогда же почти все свое состояніе—40.000 рублей. Одесситы-греки ассигновали 100.000 рублей, среди одесскихъ жителей изъ дворянъ было пожертвовано 28.316 рублей, даже иностранцы собрали 18.230 руб.; но подпискѣ среди одесскихъ купцовъ и мѣщанъ было обѣщано около 94 съ лишнимъ тысячъ рублей, въ томъ числѣ и вещами почти на тринадцать тысячъ. Въ общемъ Одесса должна была дать около 300.000 рублей. Но въ то время, какъ специально выбранные купцы Протасовъ и Кошелевъ собирали эту подписку, въ Одессѣ появилась чума ³⁾. Самъ Ришелье признавался, что въ этотъ чумный періодъ Одесса была прямо адомъ ⁴⁾. Понятно, что изъ обѣщанныхъ денегъ удалось собрать лишь небольшую часть, около 50-ти тысячъ рублей, остальное же, повидимому, не было взыскано ⁵⁾.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій, въ Одессѣ собранъ былъ небольшой отрядъ ратниковъ. Въ его составъ вошли, во-первыхъ,

¹⁾ Рѣчь эта напечатана Скальковскимъ дважды: въ Тридцатилѣтніи исторіи гор. Одессы, стр. 190—193, и въ Хронологич. обзорѣніи исторіи Новорос. края II, стр. 199—202.

²⁾ Архивъ бывшаго новорос. и бессарабск. ген.-губернат. управленія, по Таврич. губ., дѣло № 5, л. 97—99.

³⁾ См. названное выше «дѣло» Арх. быв. ген.-губ. управленія. Сохранившаяся тамъ общая таблица всѣхъ пожертвованій напечатана у Скальковскаго въ названныхъ выше трудахъ, стр. 193 и 202. О пожертвованіи герцога Ришелье см. замѣтку Ch. Sicard въ 54 томѣ Сборника Импер. Русск. Истор. Общ., стр. 77.

⁴⁾ Письмо къ Имп. Александру I отъ февр. 1813 г. Сб. Имп. Русск. Общ., т. 54, стр. 368.

⁵⁾ Смольяниновъ, Исторія г. Одессы. Одесса, 1853, стр. 160, прим. 1.

74 человекъ, выбранные на основаніи манифеста о сборѣ одного ополченца съ пятидесяти душъ; расчисленіе это было сдѣлано сообразно количеству записанныхъ въ послѣднюю ревизію купцовъ и мѣщанъ. Другую часть указанного отряда составили охотники „изъ вольнаго званія людей“ въ количествѣ болѣе ста душъ. Эта часть наполовину состояла изъ своего рода дружины, организованной турецко-подданнымъ грекомъ Яни Димитріевымъ Бабашика, который, какъ самъ онъ писалъ Ришелье, на основаніи Монаршаго рескрипта, жертвовалъ для спасенія государства не только самъ собою, но пригласилъ на такое пожертвованіе людей разныхъ націй въ количествѣ сорока пяти человекъ. Всѣ эти ополченцы имѣли недостатокъ въ обмундированіи, вооруженіи и содержаніи, на что были затрачены суммы изъ собранныхъ ранѣе пожертвованій ¹⁾.

Однако, всѣ эти сборы оказались напрасными. Манифестъ 18-го іюля 1812 года, какъ извѣстно, точно опредѣлилъ, какія губерніи должны участвовать въ сборѣ ополченцевъ, а какія освобождались отъ ополченія. Новороссійскій край, а значить и Одесса, естественно, по отдаленности отъ возможнаго театра военныхъ дѣйствій, осталась совершенно въ сторонѣ, и почти всѣ приготовленія какъ въ разныхъ частяхъ этого обширнаго края, такъ и въ Одессѣ, должны были быть отмѣнены. Были распущены и собраные и даже уже приведенные къ присягѣ одесскіе ополченцы и охотники.

II. Составъ масонской ложи „Понтъ Эвксинскій“ въ Одессѣ.

Рескриптомъ 1 августа 1822 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ В. Кочубея были запрещены въ Россіи всѣ масонскія ложи и всякія тайныя общества. Во исполненіе этого повелѣнія, кромѣ закрытія или прекращенія дѣйствія ложъ, отъ ихъ членовъ были отбираемы подписки въ томъ, что они и впредь не будутъ образовывать или входить въ составъ масонскихъ или иныхъ тайныхъ союзовъ. Предписаніе это касалось и Одессы. Переписка относительно исполненія указанной воли Императора Александра I-го сохранилась въ Архивѣ Канцеляріи Одесскаго Градоначальника (1822 г., № 587).

¹⁾ См. «дѣло» Арх. бывш. новор. и бесс. ген.-губ. управленія, № 5, лл. 38, 64 и сл.—рапортъ соедин. присутствія гор. магистрата, думы и полиціймейстера отъ 8 авг. 1812 г., прошеніе Бабашика на имя Ришелье и прошеніе группы турецко-подданныхъ матросовъ. Ср. Скальковскій, 30-лѣтіе Одессы, стр. 193—4. Хронологическое обозрѣніе, II, 202—3.

Это архивное „дѣло“ касается только одной одесской масонской ложи, работавшей подъ названіемъ „Понтъ Эвксинскій“. Существовать указанія и на другія ложи въ Одессѣ. Такъ, въ концѣ ноября 1818 года была основана здѣсь ложа „Трехъ Царствъ природы“, учредителями которой были А. Римскій-Корсаковъ, графъ Ланжеронъ и другіе ¹⁾. По другому, недостаточно, правда, безспорному свидѣтельству, уже къ маю мѣсяцу 1818 года въ Одессѣ была ложа „Друзей Природы“, прекратившая будто-бы свое существованіе только послѣ запрещенія масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ въ 1822 году. Свидѣтельство это заявлено было П. Борисовымъ при допросѣ его по дѣлу декабристовъ. Въ ложу эту Борисовъ, по его словамъ, былъ введенъ французскимъ купцомъ Ольвиеромъ ²⁾. Есть затѣмъ еще указаніе на то, что московская ложа „Нептуна“ заботилась о производствѣ масонскихъ работъ въ Одессѣ на русскомъ языкѣ, для чего отправила туда брата Телесницкаго, снабдивъ его всѣми необходимыми актами ³⁾. Связана ли эта посылка Телесницкаго съ организаціей особой ложи въ Одессѣ, сказать трудно, но должно имѣть въ виду, что Телесницкій, какъ будетъ видно ниже, принималъ дѣятельное участіе въ ложѣ „Понтъ Эвксинскій“, работавшей и „на російскомъ и на разныхъ иностранныхъ языкахъ“, какъ это удостовѣряетъ С. С. Ланской, намѣтный мастеръ Великой Провинціальной Ложи, въ управленіи которой находилась названная одесская ложа (Вѣсти. Евр., 1872, VII, 266).

Дѣло объ учрежденіи въ Одессѣ ложи „Понтъ Эвксинскій“ было начато въ концѣ ноября 1817 года (В. Е., 1872, II, 588, 595). Прекратила она свое существованіе, какъ официально въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею сообщаетъ Ланской, до упомянутаго общаго запрещенія масонскихъ ложъ, но не ранѣе января мѣсяца 1822 года. Такимъ образомъ, распоряженіе о закрытіи ложъ, повидимому, не застало уже въ Одессѣ этой ложи. Хотя одесскій полиціймейстеръ и доносилъ градоначальнику въ октябрѣ этого года о томъ, что существованіе ложи въ Одессѣ имъ уничтожено, но въ другихъ бумагахъ о ней упоминается, какъ о *существовавшей, а не существующей*.

¹⁾ Пытинъ, Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. Вѣстникъ Европы, 1872, II, 596.

²⁾ В. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ. СПб. 1909, 310 и сл.

³⁾ Т. Соколовская, Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественного движенія, стр. 127.

Въ названномъ выше „дѣлѣ“ нѣтъ никакихъ указаній на занятія членовъ одесской ложи. Но зато это „дѣло“ даетъ возможность познакомиться съ тѣмъ, кто участвовалъ въ этой ложѣ. Кромѣ отношеній градоначальника въ различныя учреждения города и отвѣтовъ на нихъ, въ этомъ дѣлѣ сохранился, между прочимъ, списокъ тѣхъ лицъ, подлинныя подписки которыхъ о прежней принадлежности къ ложѣ „Понтъ Эвксинскій“ были препровождены И. Н. Инзову, который управлялъ Новороссійскимъ краемъ послѣ ухода гр. Ланжерона 17 июля 1822 года въ отпускъ за границу¹⁾. „Реестръ подпискамъ масоновъ“, какъ упоминается въ самомъ отношеніи Инзову, не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ „нѣкоторые изъ членовъ ложи находятся въ отлучкахъ и потому подписки не отъ всѣхъ еще собраны“. Кое-какія дополненія къ этому „реестру“ могутъ дать нѣкоторые другіе источники. Общее число извѣстныхъ намъ членовъ ложи—60; если судить по фамиліямъ, то можно замѣтить, что около $\frac{3}{4}$ всего этого количества были иностранцы.

Во главѣ ложи въ качествѣ ея великаго мастера стоялъ самъ графъ Александръ Теодоровичъ Ланжеронъ, почетный членъ и другихъ масонскихъ ложъ (В. Е. 1872, VII, 266; Русск. Стар., 1907, VI, 660). Онъ, замѣтимъ, за нѣсколько еще мѣсяцевъ до рескрипта перваго августа защищалъ свою одесскую ложу отъ возможныхъ подозрѣній въ ея политической опасности. Онъ сообщалъ начальнику штаба второй арміи въ январѣ 1822 года, что, „присутствуя всегда“ на собраніяхъ ложи, можетъ удостовѣрить, что „въ ложѣ не происходитъ ничего предосудительнаго и что о политическихъ дѣлахъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не разсуждаютъ“ (Семевскій, стр. 318).

Рядомъ съ графомъ Ланжерономъ въ званіи намѣтнаго мастера находился въ ложѣ французскій вице-консулъ Шале (В. Е. VII, 266). По распоряженію одесскаго градоначальника графа Гурьева, послѣ 1 августа 1822 года полиціймейстеръ долженъ былъ потребовать и отъ иностранцевъ масоновъ, „въ службѣ не состоящихъ“, подписку въ томъ, что они ложь и общество въ Россіи составлять не будутъ. Но въ отношеніи Шале выполнить это требованіе полиціймейстеру не удалось. „При требованіи отъ него подписки, онъ не рѣшился дать таковой по причинамъ, имъ представленнымъ, тѣмъ, что онъ принадлежитъ къ существующей ложѣ во Франціи, а въ здѣшней временно участвовалъ, и что, будучи на службѣ французскаго правительства, считаетъ нужнымъ по

¹⁾ Самъ Инзовъ былъ членомъ масонской ложи „Золотой Шаръ“ въ Гамбургѣ (Р. Ст. 1907, VI, 660).

сему обстоятельству разрѣшеніе французскаго посланника въ Санкт-петербургѣ, къ которому намѣренъ войти съ представленіемъ“.

Всѣхъ остальныхъ членовъ ложи, извѣстныхъ намъ поименно, соотвѣтственно ихъ общественному положенію можно раздѣлить на нѣсколько группъ.

Во-первыхъ, въ числѣ участниковъ ложи „Понтъ Эвксинскій“ было нѣсколько *военныхъ*. Кромѣ самого графа А. О. Ланжерона въ ней принимали участіе его два адъютанта капитанъ Вегелинъ и штабсъ-капитанъ Мейеръ (Р. С., 1907, VIII, 419, 426); затѣмъ штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка князь Волконскій (Р. С., 1907, VIII, 426), португей-прапорщикъ крымскаго пѣхотнаго полка Флуки (ibid., IX, 652), отставной уже поручикъ Л. Дункель; наконецъ—командиръ одесскаго артиллерійскаго гарнизона подполковникъ Облеуховъ (ibid., VII, 212). Любопытно отмѣтить, что и комендантъ города Одессы полковникъ Силинъ и прежній одесскій полиціймейстеръ Мандерштернъ 3-ій были масонами, правда, не одесской ложи, а—первый—каменецъ-подольской подъ названіемъ Озирисъ Звѣзда Пламенистая, второй—ложи Александра въ С.-Петербургѣ¹⁾.

Другую группу составляютъ *врачи*. На первомъ мѣстѣ здѣсь должно поставить инспектора Одесскаго Врачебнаго Управленія доктора медицины и хирургіи Ивана Вицмана, автора одной изъ первыхъ работъ о лиманномъ леченіи въ Одессѣ (О пользѣ морскихъ, иловыхъ и лиманскихъ ваннъ въ окрестностяхъ Одессы. Одесса, 1835, 17 стр.) Кромѣ него въ ложѣ участвовало еще пять врачей: мѣдикъ Иванъ Умиссъ, лѣкарь второго класса Осипъ Камоень, докторъ медицины Гепитесь, городской врачъ Федоръ Стуббе и докторъ Паннесеть.

Въ числѣ членовъ ложи было, затѣмъ, нѣсколько лицъ изъ состава *преподавателей Ришельевского лицея*. Прежде всего—его первый инспекторъ Іосифъ Михайловичъ Флуки, затѣмъ—профессоръ итальянскаго языка и словесности Антонъ Андреевичъ Пиллеръ, профессоръ физическихъ и математическихъ наукъ Генрихъ Петровичъ Віардъ, адъюнктъ по кафедрѣ греческой, російской и латинской словесности Иванъ Николаевичъ Калиновскій; къ этой же группѣ можно, наконецъ, отнести Ивана Богаевского, о которомъ въ „реестрѣ“ говорится, правда, какъ объ уволенномъ уже надзирателѣ Лицея.

Чиновники и члены различныхъ учреждений Одессы также участвовали въ ложѣ „Понтъ Эвксинскій“. Такъ, изъ служащихъ въ Одесской таможнѣ подписки о прежнемъ участіи своемъ въ

¹⁾ Р. Ст., 1907, VII, 198; VIII, 409.

ложѣ дали коллежскій ассесоръ Степанъ Достаничъ, титулярный совѣтникъ Кохановскій, титулярный же совѣтникъ Семень Голицовъ и коллежскій совѣтникъ Христіанъ Шмидтъ. Отъ управляющаго одесскимъ карантиномъ Селехова были представлены подобныя же подписки отъ двухъ лицъ—отъ члена конторы отъ купечества Якова Кортачи или Кортаци и отъ статскаго совѣтника Телесницкаго, служившаго при карантинѣ вице-инспекторомъ. Этотъ послѣдній былъ, повидимому, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ одесскихъ масоновъ. Какъ указано было выше, онъ былъ присланъ въ Одессу изъ Москвы съ важнымъ порученіемъ. Кромѣ того, въ его именно домѣ, помѣщавшемся на Екатерининской улицѣ или Театральномъ переулкѣ и впоследствии принадлежавшемъ извѣстному доктору Андреевскому, происходили засѣданія одесской ложи. „Въ подпольномъ этажѣ этого дома, рассказываетъ Мурзакевичъ въ своей брошюрѣ объ „Одесской Старинѣ“ (Одесса, 1869 г., изъ „Вѣд. Одесск. Градоначальства“), была устроена зала, въ которую по назначеннымъ вечерамъ тихонько пробирались члены одесской масонской ложи, учрежденной въ 1817 году, для своихъ мистерій. Послѣ ложа масоновъ, по этому же разсказу, была перемѣщена въ оконечность города, на хуторъ Гогеля, гдѣ устроено было особаго вида помѣщеніе“ (стр. 23).

Въ „реестрѣ подпискамъ масоновъ“ указано еще нѣсколько фамилій съ обозначеніемъ ихъ чиновъ; вѣроятно, это также были чиновники какихъ либо одесскихъ учреждений. Такъ названы— коллежскій совѣтникъ Николай Даревскій, титулярные совѣтники Иванъ Нѣжинецъ, Коріѣевъ, Андрей Соханскій, коллежскій секретарь Александръ Гибаль, губернский секретарь Игнатій Кушковскій. Указаны затѣмъ—титулярный совѣтникъ архитекторъ Ф. Шааль и лица восьмого класса Василій Гельмерсенъ и Дессеметь, извѣстный ученый садоводъ, устроитель Ботаническаго сада въ Одессѣ, за что онъ и получилъ этотъ чинъ восьмого класса.

Наибольшее число членовъ масонской ложи принадлежало, повидимому, къ *купечеству*. *Одесскихъ* купцовъ въ „реестрѣ“ названо пятнадцать. Вотъ ихъ фамиліи: во-первыхъ—коммерцій совѣтникъ Василій Ксенисъ, одинъ изъ видныхъ одесскихъ гражданъ, такъ какъ именно онъ съ нѣкоторыми другими лицами былъ въ 1820 году членомъ особаго комитета для разсмотрѣнія городскихъ доходовъ и расходовъ (Одесса 1794—1894, стр. 110). Затѣмъ—купцы первой гильдіи: Вальбъ, Яковъ Мишель, Карлъ

¹⁾ Одесса. 1794—1894. Изд. Гор. Общ. Упр. къ столѣтію города. Одесса. 1895, 335—6.

Аржіотъ, Яковъ Тримпи; купецъ третьей гильдіи Ланглуа; наконецъ, купцы, гильдіи которыхъ не указаны: Евгеній Гогель, домъ котораго, какъ упомянуто выше, былъ одно время мѣстомъ собранія масонской ложи, Федоръ Андре, Маріанъ Пастъ, К. Гельвигъ, Маркъ Колленъ, Іосифъ Этлингеръ, И. Галліуфи, Вноллие и Аванасій Соколовъ (Яковъ Кортаци упомянутъ былъ выше).

Кромѣ лицъ, имѣвшихъ званіе одесскихъ купцовъ, въ ложѣ принимали участіе и купцы иногородніе. Въ „реестрѣ“ названъ, напр., житомирскій купецъ Мельхіоръ Юнни. Рядомъ съ этимъ купцомъ можно, вѣроятно, поставить и названныхъ въ реестрѣ лицъ иностраннаго подданства, относительно которыхъ правдоподобно предположить, что они были коммерсантами. Таковы—австрийско-подданный Ешибуть, швейцарскіе подданные или граждане Моттитъ, Ревеллюдъ, А. Потавель, М. Д. Одсу (дѣ?), баварецъ Карлъ Морицъ Гейтцъ; къ этой же группѣ отнесемъ здѣсь и лицъ, о которыхъ нѣтъ въ „реестрѣ“ никакихъ данныхъ, но приведены лишь фамиліи: Петито, А. Гаторно и Эммануиль Севенъ.

Въ названной выше книжечкѣ Мурзакевича объ „Одесской Старинѣ“ есть указаніе на то, что въ одесской ложѣ принимало участіе и одно *духовное лицо* (23 стр.). Кто изъ лицъ одесскаго духовенства имѣется здѣсь въ виду, сказать не могу. Возможно, что это свѣдѣніе относится и не къ лицу православнаго вѣроисповѣданія, а, напримѣръ, лютеранскаго. По крайней мѣрѣ, изъ Записокъ декабриста барона В. И. Штейнгеля извѣстно, что очень уважаемый, какъ онъ говоритъ, одесскій пасторъ Розенштраухъ въ 1816 году, еще въ бытность въ Москвѣ содержателемъ косметическаго магазина, учредилъ ложу „Александра Тройственнаго Спасенія“ ¹⁾.

III. Письмо Имп. Александра I-го М. С. Воронцову (1824 г.).

Изъ немалочисленныхъ воспоминаній и свидѣтельствъ обитателей и временныхъ гостей Одессы въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія хорошо извѣстно, что нашъ городъ рѣзко отличался тогда отъ другихъ русскіихъ городовъ своимъ „европейскимъ“, либеральнымъ духомъ. Однимъ изъ высшихъ выраженій такой свободы въ сужденіяхъ было, между прочимъ, какъ указывали, напр., К. Скальковскій, сынъ исторіографа нашего Юга, или нѣмецкій путешественникъ Коль, то, что

¹⁾ Общественныя движенія въ первой половинѣ XIX вѣка. Изданіе Пирожкова, т. I, стр. 396—7.

военные чины здѣсь не строго соблюдали форму, ходили въ разстегнутыхъ сюртукахъ и т. п. 1). Подобныя нарушенія требованій службы стали извѣстны Императору Александру Первому, и онъ прислалъ въ 1824-мъ году по этому дѣлу особое предписаніе Воронцову. Это предписаніе никѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, донинѣ упоминаемо не было и нигдѣ цѣликомъ еще не приведено. Вотъ полный текстъ этого весьма любопытнаго для характеристики старой Одессы указа—въ точной копіи съ подлинника, подписаннаго рукою самого Императора 2).

„Графъ Михайло Семеновичъ! Я имѣю свѣденіе, что въ Одессу стекаются изъ разныхъ мѣстъ и въ особенности изъ Польскихъ Губерній и даже изъ военнослужащихъ безъ позволенія своего начальства многія такія лица, кои съ намѣреніемъ, или по своему легкомыслію занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими имѣть на слабые умы вредное вліяніе. Равномѣрно доходить до свѣденія моего и то, что приѣзжающіе въ Одессу военные чины не соблюдаютъ предписанной формы въ одеждѣ.

Будучи увѣренъ въ усердіи и попечительности вашей о благѣ общемъ, я не сомнѣваюсь, что вы обратите на сей предметъ особенное свое вниманіе и примите строгіе мѣры, дабы подобныя безпорядки и ниже малѣйшее отступленіе военныхъ чиновъ отъ надлежащей формы въ ихъ одѣяніи, не могли имѣть мѣста въ столь важномъ торговомъ городѣ, какова Одесса, не позволяя проживать въ ономъ никому безъ надлежащихъ видовъ, особливо тѣмъ изъ военнослужащихъ, кому не данъ отпускъ имянно въ Одессу, или приѣзжающимъ не въ узаконенное для отпусковъ время, а тѣмъ менѣе отлучающимся туда отъ своихъ командъ безъ позволенія начальства, съ коихъ за таковое самовольство надлежитъ строго взыскивать.

Пребываю въ прочемъ къ вамъ благосклонный

Въ Царскомъ Сѣлѣ

Мая 2-го дня

1824-го года.

АЛЕКСАНДРЪ.

1) Последнюю сводку данныхъ объ этомъ см. въ работахъ г-жи Д. Г. Атласъ—Старая Одесса, ея друзья и недруги (Труды слушательницъ Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, т. I, вып. II, Одесса, 1911) и—Старая Одесса въ русской литературѣ (1820—40-ые годы). (Извѣстія Одесскаго Библиографическаго Общества, т. I, вып. 2, Одесса, 1914).

2) Архивъ бывшаго Новоросс. и Бессарабск. ген.-губ. упр., одинъ изъ томовъ Высочайшихъ рескриптовъ. Объ этомъ собраніи см. мою брошюру: Собраніе Высочайшихъ грамотъ и указовъ въ Архивѣ упраздненнаго Новор. и Бесс. ген.-губ. упр. Одесса, 1912.

IV. Отзывы одесскаго цензора о нѣкоторыхъ французскихъ книгахъ (1828 г.).

Въ Архивѣ Канцеляріи Одесскаго Градоначальника сохраняется, между прочимъ, одно дѣло, озаглавленное такъ: „Дѣло о присланныхъ Одесскимъ цензоромъ Спада книгахъ для храненія“ (1827 г., № 716, на 58 листахъ). Это названіе соотвѣтствуетъ только одной части всего содержанія „дѣла“. Спада, впоследствии первый директоръ Одесской Городской Публичной Библиотеки, а позднѣе и Одесскаго Городскаго Музеума, по должности одесскаго цензора, которую онъ получилъ, можетъ быть, въ самомъ концѣ 1826-го года, согласно распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, долженъ былъ представлять градоначальнику для храненія при его канцеляріи всѣ книги, запрещенныя цензурнымъ комитетомъ въ случаѣ доставленія ихъ въ Одессу. Въ указанномъ дѣлѣ и содержится нѣсколько доношеній Спады съ перечнемъ препровождаемыхъ въ канцелярію изданій.

Но кромѣ этихъ бумагъ отъ Спады въ „дѣлѣ“ этомъ сохраняются копіи нѣсколькихъ журналовъ отдѣльнаго одесскаго цензора, т. е. его протоколовъ (отъ 18, 19 и 20 декабря 1828 г.) объ иноземныхъ книгахъ, имъ рассмотрѣнныхъ. Цензоромъ въ это время былъ уже директоръ Риппельскаго лицея Иванъ Семеновичъ Орлай, въ былое время (1809 г.), ксати замѣтитъ, членъ масонской ложи „Александра“ въ Петербургѣ (Вѣстн. Европы, 1872, II, 524.). По порученію одесскаго градоначальника Богдановскаго, онъ долженъ былъ рассмотреть три группы иностранныхъ книгъ, присланныхъ на имя—во первыхъ—кишиневскаго жителя Г. Николадаки, затѣмъ на имя армянскаго священника Ефрема и на имя итальянца К. Томазини. Книги послѣднихъ двухъ были пропущены Орлаемъ безъ задержекъ. Но изъ 46 книгъ перваго онъ не нашелъ возможнымъ выдать пять. Объясненіе основаній своего заключенія Орлай и приводитъ въ одномъ изъ названныхъ протоколовъ. Эти объясненія весьма интересны для характеристики приемовъ одесскаго цензора.

Только одна книга—„Esprit du droit par M. Albert Tritot, Paris, 1824“—признана имъ недопустимой въ Россію по ея общему содержанію и духу: она „содержитъ въ себѣ, говоритъ Орлай, начала государственнаго управленія, противныя кореннымъ государственнымъ установленіямъ Россіи“. Двѣ другія книги—„Lettre Messenienne“, въ авторѣ которой Орлай предполагаетъ „еллино-грека изъ Мавромати, что въ Мореѣ“ и „Manuel diplomatique par le baron de Martens, Paris, 1822“—онъ считаетъ невозможнымъ позволить для чтенія російской публики потому, что въ нихъ находятся: въ первой—оскор-

бительные и дерзкіе отзывы объ Имп. Александрѣ I-омъ и союзныхъ государяхъ, а также о російско-императорскихъ министрахъ, а во второй—предосудительныя выраженія относительно Екатерины II-ой и другихъ высокихъ особъ при Высочайшемъ дворѣ. Орлай отмѣчаетъ, что эти выраженія приведены въ секретномъ письмѣ короля Людовика XV французскому посланнику въ Петербургъ Бретейлю по поводу вступленія Екатерины Второй на престолъ. Это письмо, по мнѣнію цензора, должно и впредь остаться секретнымъ для Россіи, а поэтому онъ задерживаетъ всю книгу, хотя почти вся она, какъ онъ самъ говоритъ, не содержитъ ничего противнаго общимъ цензурнымъ правиламъ.

Самый обширный отзывъ представилъ Орлай о книгѣ Mac-Carthy, Nouveau dictionnaire géographique universelle, Paris, 1824. Его общее заключеніе о ней сводится къ тому, что она „никогда не можетъ быть ввозима въ Россію“. Основаніемъ для этого служитъ собственно лишь одна фраза въ статьѣ этого словаря о Россіи, именно фраза о смерти Императора Павла I-го: „se prince périt victime d'une conspiration“ (стр. 1092). Рядомъ съ этимъ указаніемъ Орлай ссылается еще на то, что „на страницѣ 977-ой сочинитель, говоря о дворцѣ Государя Императора, выражается неуважительно“. Едва ли можно согласиться съ такимъ тонкимъ наблюденіемъ цензора. Вотъ все, что говорится на указанной страницѣ въ статьѣ „Петербургъ“ о дворцахъ: „On conserve encore la cabane que Pierre habita pendant qu'il bâtissait la ville... Un des édifices les plus remarquables est le palais d'hiver du czar, lequel a 450 pieds de long sur 350 de large et 70 de hauteur. Celui de l'Hermitage contient une belle collection de tableaux, une bibliothèque, un cabinet d'histoire naturelle, un théâtre, etc. Le palais de marbre est un joli édifice, bâti, partie en marbre et partie en pierre. Le Taurida, autre bâtiment considérable, sert aujourd'hui de caserne“. Что именно призналъ Орлай здѣсь неуважительнымъ, сказать трудно.

Приведенныя два указанія цензора служатъ, въ сущности, единственнымъ основаніемъ для запрещенія книги Mac-Carthy. Вся остальная часть довольно большого отзыва Орлая является уже просто критикой на словарь. Здѣсь Орлай поправляетъ нѣкоторыя ошибки автора, напримѣръ, дѣленіе казаковъ на мало-россійскихъ и донцовъ или татаръ, помѣщеніе Аѳинъ въ Морею вмѣсто Ливадіи или древней Аттики. Главное же вниманіе Орлай обратилъ на опроверженіе сообщеній Mac-Carthy относительно Галиціи, Венгріи, особенно карпато-россовъ. Это его вниманіе къ этимъ вопросамъ вполне понятно: самъ по происхожденію

карпато-россъ и авторъ особаго изслѣдованія по исторіи карпато-россовъ (Сѣверный Вѣстникъ, 1804 годъ), онъ, естественно, остановился съ особымъ интересомъ именно на свѣдѣніяхъ по этому предмету, сообщаемыхъ авторомъ словаря. Орлай укоряетъ его въ полнѣйшемъ невѣжествѣ по этому вопросу. „Слѣдовало бы написать цѣлый трактатъ, заявляетъ онъ, дабы показать заблужденія г-на Мак-Карти, но это не входитъ въ обязанность цензора, да и не достанетъ времени, если на всякую, особливо дурную книгу писать рецензію“. Признавъ, такимъ образомъ, неподлежащей ему, какъ цензору, критическую [провѣрку указаній] книги, Орлай, однако, и въ томъ, что разбираемая имъ книга содержитъ много ошибокъ, въ цензурномъ отношеніи, въ сущности, ничѣмъ не замѣчательныхъ и не выдѣляющихся, находитъ основанія для запрещенія ея ввоза въ Россію. Онъ оправдываетъ рѣшеніе это тѣмъ, „дабы сочиненіе это не прельстило ошибками своими подражать ему и нашихъ писателей“, чему примѣры онъ находитъ уже въ нѣкоторыхъ книгахъ, изданныхъ въ Россіи, въ свѣдѣніяхъ о русскомъ племени, напримѣръ.

Отзывъ о пятой изъ задержанныхъ Орлаемъ книгъ по своему содержанію представляется прямо анекдотическимъ. Привожу его здѣсь цѣликомъ.

„Правила Религіи и правила нравственности находятся въ совершенномъ между собою согласіи. Человѣкъ, истинно любящій добродѣтель, чтить всегда волю Божию, человѣкъ, истинно приверженный къ Религіи, уважаетъ моральные законы.—Издательница собранія игоръ подъ заглавіемъ: „Manuel complet des jeux de société. Paris, 1827“, г-жа Сельнихъ при выборѣ таковыхъ предлагаемыхъ юношеству обоюга пола для время проведенія не вездѣ имѣла въ виду приличіе, благопристойность и чистоту нравовъ.—Хотя бы несправедливо было то, что Платонъ утверждаетъ (Платонъ въ законахъ въ разговорѣ 7), полагая, что отроки, которые занимаются попеременно новыми играми, привыкнувъ въ дѣтствѣ къ такимъ новостямъ, въ возмужалыхъ лѣтахъ ищутъ другого образа жизни, сообразно коему желаютъ другихъ законовъ и проч., сочиненіе однакожь ея, какъ оскорбляющее добрыя нравы, должно быть запрещено гѣмъ паче, что она на стран. 323 (см. Confession) отважилась представить таинственный обрядъ исповѣди въ свѣтской игрѣ и въ неприличномъ видѣ.—Издѣваться такимъ образомъ надъ симъ обрядомъ значить обнаружить наклонность поколебать ученіе Церкви, основанное на Священномъ Писаніи (Матѳея гл. 3, ст. 6; псаломъ 31-й, ст. 5 и 6, Даниїла 9, ст. 3 и проч.) и преданіе Св. отецъ,

какъ-то: Августина, Григорія, Іоанна Златоуста, Исидора, Амбро-
сія, Юстина мученика, Тертуліана, Іеронима и многихъ другихъ;
даже языческими мудрецами нѣкоимъ образомъ небезполезнымъ
признанное, какъ-то: Пифагоромъ, Аристотелемъ, Сенекою, Лисан-
дромъ, Антлакидомъ и проч.; а по сему книга сія на основаніи
§ 3-го и 1-го Цензурнаго Устава подлежитъ запрещенію“.

А. В. Флоровскій.

Н-130785

~~127555~~

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА